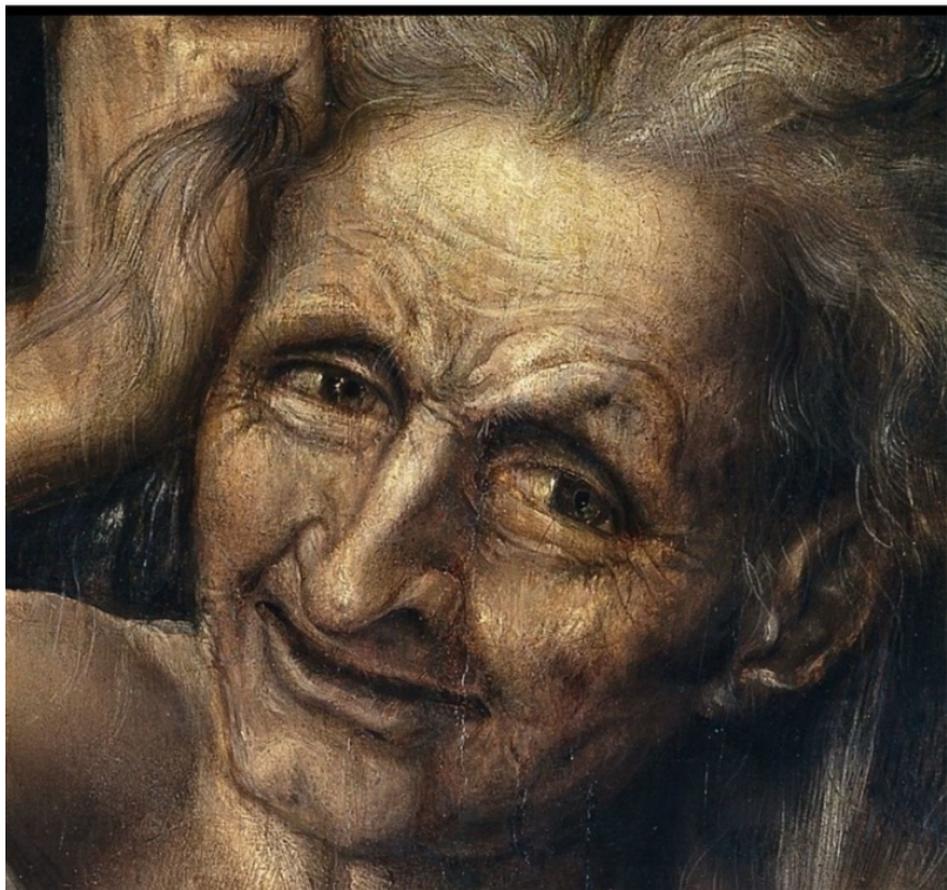

КСЕНИЯ ПОЛОЗОВА

**Еще один
счастливый день**

Ксения Полозова

Еще один счастливый день

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42308771

ISBN 9785449663917

Аннотация

Главная героиня, похоронившая свою маленькую дочь, неожиданно получает подарок, способный изменить ее сломанную жизнь. Это рассказ о горе и о том, как по-разному люди справляются с бедой.

Содержание

Таня	5
Цыганка	9
Подарок	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Еще один счастливый день

Ксения Полозова

© Ксения Полозова, 2019

ISBN 978-5-4496-6391-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Таня

В свое горе она не пустила никого. К ней пытались про-
рваться бездетные подруги, почему-то приняв ее за одну
из «своих», экстрасенсы и одинокая подруга матери, год на-
зад похоронившая взрослого сына. Первые – не слишком на-
стойчиво, скорее, чтобы успокоить совесть. Вторые – регу-
лярно, руководствуясь принципом «не проходи мимо, помо-
ги и заработай, если получится». Третья – нерешительно, по-
чти исподтишка, словно Таниной бедой она могла доказать
себе, что ни в чем не виновата, что смерть чудовищно обо-
шлась не только с ней одной, что просто так устроен мир.

Но Таня не умела делиться. Когда Настя была еще жива
и здорова, и у них обеих были планы на будущее лето, Таню
пугала мысль, что придется разделить с кем-то не только лю-
бовь дочери, но и любовь к дочери. В их прогулках они все-
гда были только вдвоем. Таня деликатно, но жестко пресека-
ла любые попытки завести дружбу, шедшие от других мам.
Ей ни разу не захотелось поделиться ни первыми словами,
произнесенными Настеной, ни ее первыми шагами.

Может, поэтому ей было так легко вспомнить тот солнеч-
ный апрельский день, когда дочка, вытянув вперед расто-
пыренные ладошки, шагала ей навстречу по стерильному,
как в процедурном кабинете, линолеуму. Таня могла закрыть
глаза и почувствовать запах пемолукса, которым драила пол

дважды в день, и детского крема, медленно выползавшего из согретого ее руками, тюбика. Она видела пятно яблочного пюре на Настиной футболке, отброшенную в угол прихожей Лялю, с неестественно вывернутыми босыми ногами. Хоолок светлых дочкиных волос был залит редким для той весны солнечным светом. Настя шагала. Таня смотрела. На плите убегало молоко.

Таких фрагментов в Таниной памяти было много. Каждый вечер она вставляла в видеомагнитофон своей памяти кассету. И проживала день за днем шесть неполных лет их с Настей жизни.

Никогда и ни с кем, даже с мамой, она не поделилась этой жизнью. Никому не рассказывала ни о режущихся зубах, ни о выученных буквах, ни о новой купленной игрушке. Ей казалось, что произнесенное вслух, названное словами, оно станет ненастоящим, забудется, уйдет от нее к кому-то, для кого оно не важно, кто не сможет хранить его так же бережно, как она сама.

Поэтому, узнав Настин диагноз, Таня позвонила всем родным и друзьям. Впервые в жизни ей хотелось, чтобы все происходящее забылось, ушло в чьи-то воспоминания и затерялось там, как теряются в нашей памяти чужие сны, пересказанные за чашкой утреннего кофе.

– У Насти рак, – сказала она, когда мама сняла трубку.

Впервые прозвучавшие вслух эти три слова вдруг сделали бумажку, исписанную издевательски разборчивым по-

черком главврача, огромной и тяжелой, как каменная глыба со скрижалями. Столь же неправдоподобной, и, в то же время, не подлежащей сомнению.

В следующем телефонном разговоре имя дочери она произнести не смогла. Слишком тяжелой оказалась каменная глыба. Вместе него, она нашла ту странную, присущую многим матерям формулу, позволяющую сохранить незримую пуповину на долгие годы. «Мы покакали», «мы пошли в садик», «у нас режутся зубки»... Таня никогда раньше не использовала этого хвастливого местоимения. В этом не было необходимости. Но сейчас она не могла оставить дочь один на один с этим страшным членистоногим, заползшим к ним в квартиру на пятом этаже и не желающим выметаться.

«У нас рак» – повторяла она снова и снова в телефонную трубку, словно вызывая какую-то особую службу, которая приедет на уазике с желтой мигалкой и устранил жуткого гостя.

«У нас рак, у нас рак, у нас рак...» Ей было все равно, что происходит на том конце провода. Она лупила этой трехсложной фразой по клацающей клешнями реальности, представляя, как Настина опухоль становится все меньше и наконец исчезает. Под конец этой битвы, она в изнеможении откинулась на спинку дивана, повторила этот нелепый «унасрак» сама себе и рассмеялась. Слово прозвучало, как детское обзывательство, за которое в садике поставили бы в угол. Таня смеялась страшным лающим смехом, потом, ко-

гда хохот превратился в крик, смешался со слезами, она почувствовала, какой настоящей стала Настина болезнь теперь, когда о ней узнали все. Как обмануло ее членистоногое чудище, нашептав фальшивый рецепт избавления.

У Насти был рак. И с этим было ничего не поделать.

Цыганка

Впервые Таня заметила Цыганку, когда вышла из желтого автобуса с черной полосой на борту, едва переставляя ватные ноги, поддерживаемая справа и слева чьими-то руками. Она не замечала в те несколько часов похорон никого, а вот Цыганку заметила. Та словно догоняла похоронный кортеж, но приближаться не стала, смотрела издали. В руках у нее была авоська с мандаринами, такими яркими и чудными, на фоне бурой кладбищенской глины, бурого Цыганкиного платья, выцветшего, некогда черного платка, повязанного поверх седых волос. Цыганка искала кого-то в толпе, приехавшей проститься с Настей, но наткнувшись на Танин взгляд, перестала крутить головой, остановилась и присела на чугунную скамейку возле невысокого памятника, словно потеряв к происходящему всякий интерес.

Из автобуса достали гроб, и кто-то сказал о Насте какие-то слова, и Таня кинула в светло-розовую крышку с золотым крестом и рюшами, ком глины, и все остальные тоже кинули, а потом мельтешили лопаты. Земля выросла в холмик, в котором пропитой копарь сделал лопатой углубления, чтобы воткнуть в них цветы. Над холмиком возник деревянный крест, а вокруг него сгрудилась кислотно яркая плюшевая братия. И Таня поняла, что этот холмик с крестом теперь ее дом. Она огляделась вокруг, словно говоря себе: «Тут теперь

ты и будешь...» Цыганка по-прежнему сидела внутри чьей-то ограды.

Всю ночь Таня лежала в темной квартире, слушала сбивчивый храп заночевавшей у нее мамы, и ждала. Ровно в шесть на первом автобусе, она поехала домой. Дома все было по-прежнему. Ни одна игрушка не покинула своего места, хотя Настя верила, что у них есть волшебная способность оживать, когда никто не видит. Таня присела справа от холмика на мокрую землю и заплакала. Впервые за все время, которое прошло с ее телефонных звонков, она осталась совсем одна в своем горе. Горе, о котором теперь никто не говорил, не вытряхивал из ее тела сочувственными объятиями, не размазывал по ее плечам влажными ладонями, стало настоящим. Тяжелым, дубовым, с латунной табличкой и самым дорогим именем, вытравленным на ней. Горе возвышалось над ней и над ее дочерью, которая по-прежнему была рядом, под тяжелой массой холодной глины, за розовым атласом поверх сосновой крышки, в голубом платье, которое Таня купила ей на вырост, по большой удаче. За семь месяцев до ее дня рождения. За полгода до смерти.

Таня плакала, то тихо, то громко, то причитая, то молча всхлипывая.

Потом приехала похоронная процессия, со своими плакальщицами, крестом, гробом. Они пили водку, шумели и по очереди обнимали какую-то старушку. Гроб был бордовый, обитый дешевым бархатом. «А вот и наш новый со-

сед», – пронеслось в голове. «Федор Иванович был удивительным человеком» – сказал седой мужчина, втыкая в свежий холм стакан, прикрытый ломтем хлеба. Копаря были Настины. Один из них, бросив окуроч в протоптанную в глине тропу, подошел к Тане и сказал: «Иди домой, милая. Не надо тебе здесь...» Таня кивнула, встала и, не отряхнув глину с платья, пошла прочь. Краем глаза она видела, как по соседней дорожке бредет бурая тень с ярким оранжевым пятном у правой ноги.

С каждым днем вой чужих похорон становился все дальше. Сочувствующий копарь больше не подходил, только пристально смотрел на Таню да курил. От прошедшего в воскресенье дождя плюшевые уши самого большого, ядовито-розового зайца поникли и теперь свисали почти до земли. «Зайку бросила хозяйка, под дождем остался Зайка, со скамейки слезть не мог, весь до ниточки...» Последнее слово, «ниточки», Таня привычно произнесла нараспев, поднимаясь с каждым слогом все выше, словно рисуя дугу, которая должна оборваться картавым детским «промок!» Но некому было продолжить. Настя была под землей и не могла ничего сказать. Стихотворение зависло на самой высокой своей ноте. Набрякший от дождевой воды медведь, сидевший на самом краю холма, упал синтетической мордой в грязь.

Каждый день Цыганка провожала ее на автобус, потом разворачивалась и брела между могил куда-то в старую часть кладбища. Непонятно было, где она достает мандари-

ны в мае.

Подарок

Девятый день начинался так же как предыдущие восемь. Утренний автобус, долгий путь в самую дальнюю часть кладбища с уже ставшими привычными ориентирами: помпезный мраморный памятник какому-то авторитету – с античными колоннами, портиками и выгравированном на надгробии мерседесе. Чудные имена и полумесяцы мусульманского сектора. Потом направо. Потом могила трех сестер, погибших в одной аварии двенадцать лет назад.

Пару дней назад Таня остановилась подумать, жива ли была их мать. По возрасту погибших выходило, что жива. С тех пор Таня проходила мимо этого участка быстро, зажав уши руками. Она боялась услышать рев этой женщины, застывший во времени, наполнивший пространство безысходным горем на долгие-долгие годы.

У Тани были свои безысходность и горе. Чужих ей было не надо.

Но девятый день был полон ими. С девяти утра в новый Танин дом потянулись гости с букетами и игрушками. «Ты у меня сегодня как именинница», – шепнула Таня фотографии на кресте и, отряхнув присохшую к юбке глину, пошла встречать посетителей. Они прибывали, но все не уходило. Бабушка Лена, бабушка Тамара, Валера – Настин папа, с нелепым, никому теперь не нужным, сникерсом в руках.

Валерина сестра Инна с сыном Денисом, голодными глазами глядящим на сникерс, воткнутый в могильный холм. Настина крестная, Танина двоюродная сестра, Алла с хлопотливыми руками, непрерывно поправляющими все, что попадало в поле зрения хозяйки: розового зайца, черную ленту с белыми буквами на венке, воротник Таниной блузки. Тетя Оксана с дядей Геней, родители беспокойной крестной. Последней подошла воспитательница из детского сада с букетом разноцветных бумажных тюльпанов: «Ребята сделали для Настеньки...»

Таня сомневалась, что старшей группе номер пять детского сада «Морячок» было известно, куда именно отнесет Елена Ивановна двадцать четыре цветка с неровно вырезанными лепестками, щедро залитые канцелярским клеем. Любое упоминание смерти в присутствии детей казалось чем-то неприличным.

Таня и сама никогда не касалась с дочерью этого вопроса. Когда умерла Танина бабушка, они с мамой решили ничего пока ребенку не говорить. Не травмировать. Отправили ее к «той бабке» на день похорон, и просто перестали упоминать имя покойной, договорившись, что расскажут обо всем, когда придет время. Но время шло, минули и девятый, и сороковой день, а подходящий случай все никак не подворачивался. Поначалу это мучало Таню, но по мере того, как остывала ее скорбь, это несделанное дело утрачивало свою важность. Настя не спрашивала – Таня не говорила. Бабуш-

ка Мила, которая так гордилась тем, что стала прабабкой, обожавшая единственную внучку и души не чаявшая в правнучке, уходила в особое небытие, в котором само ее существование ставилось под сомнение.

Тогда Таня просто не знала, как объяснить четырехлетнему ребенку смерть. Было стыдно говорить о мертвом теле, которое заколотили в деревянный ящик и закопали в землю. Чуть позже она придумала о небе, об ангелах, об облачках и радугах. Но случая все не было. Не хотелось начинать этот разговор вот так, с бухты-барухты...

А потом Настя заболела. И Таня, проскочив отрицание и гнев, начала торговаться.

Ей снилось, как бабушка Мила ставит ее в угол, из которого ей уже никогда не выйти. Во сне Таня пыталась ей все объяснить: о детской психике и о собственном страхе смерти. «Бабушка, все так делают... Она же совсем маленькая...», но бабушка все смотрела на нее, сидя на своей старой табуретке, положив руки на колени. И Таня не могла ни выйти из угла, ни даже повернуться к нему спиной. Она только бубнила в неровно выклеенные обои, размазывая слезы по лицу, как однажды в детстве, когда убежала с подружкам купаться, не спросив разрешения. Это был единственный раз, когда ее наказали по-настоящему. «Бабушка, мне мама разрешила...» – повторяла она во сне свою давнюю детскую ложь, которая в этот раз была правдой. Но бабушка Мила была непреклонна.

Проснувшись, Таня обрадовалась. Вот оно, ее преступление. Вот за что ее наказали. И исправить все так просто. Больше не нужны ни врачи с их химией, ни колдуны с их заговоренной водой. Сейчас она все расскажет Насте и бабушка ее простит и разрешит им обеим выйти из угла. Она подошла к Настинной кровати. Дочка не спала, смотрела на розовую рану в окне – сквозь не до конца задернутые шторы пробивалось утро.

«Мама, а когда я умру, вы про меня тоже забудете? Как про бабу Милу забыли?» – спросила она. И Таня поняла, что навсегда останется стоять в углу, наказанная бабушкой за свой обман.

Как оказалось позже, у Насти был свой угол. Перед самым концом она застала дочку в слезах. Та мотала головой, откачиваясь что-то объяснять, и плакала все сильнее и громче. И повторяла: «Это все я... не надо было... это все из-за него...» Но кто он и что было не надо, Таня в тот вечер так и не узнала.

Проводив Таню в девятый день, Цыганка не ушла. Сидела возле могилы Федора Ивановича, поправляла цветы, что-то бубнила себе под нос.

Никто из гостей не обращал на нее внимания, но Татьяне было не по себе. Все уже собрались ехать на квартиру к бабе Томе – помянуть, поплакать, выпить водки, которой у Тамары водилось в избытке, съесть пирогов, тяжелых и недосоленных, которые «та бабка» напекла, заняв дрожжей у сосед-

ки. Беспокойная Алла предлагала на что-то скинуться и кому-то отдать деньги, а пальцы ее с облупившимся местами фиолетовым лаком беспрестанно развязывали и завязывали черный бант на дешевой шифоновой блузе. Елена Ивановна, чувствувавшая себя чужой на этих поминках, говорила, что у нее вечерняя смена, и она ненадолго, так сказать, почтить память, но ей все же всунули в руку граненый стакан с принесенной Тamarой водкой. И Валера сказал какие-то слова, после которых Елена Ивановна выпила и спросила, есть ли у Тамары Михайловны дома телефон – предупредить сменщицу. Потом Алла подхватила ее под руку и они первыми пошли по дороге в сторону трех сестер. «Я вас догоню», – ответила Таня на вопросительный взгляд матери. Она не могла думать ни о пирогах, ни о водке, ни о неопрятной бабтоминной квартире, куда Настя ездила с большой неохотой.

Когда последние из вереницы гостей скрылись за поворотом, Таня подошла к Цыганке. Присела рядом на длинную лавку, наскоро сколоченную сыновьями их нового соседа.

– Где вы их берете летом? – спросила она, кивнув на старинную авоську с мандаринами.

– В диване, – ответила старуха. Голос у нее был такой же серый и выцветший, как и ее платье, платок и глаза. Хотелось смахнуть с нее пыль. Или протереть глаза рукой, чтобы старуха стала ярче и отчетливей.

Таня кивнула с пониманием. Ее бабушка тоже хранила недозрелые мандарины и бананы в темных недрах ста-

рой тахты, доставая оттуда перед самым Новым годом так и не успевшие дозреть фрукты.

– Рома в понедельник просил мандаринку. А у него понос был. Ну и доктор не разрешил. А он все равно просил. Я во вторник пришла. Без мандаринки пришла, понимаешь. А он с порога мне: «Мама, давай мандаринку». Так разозлился, когда я сказала, что нельзя. Заплакал. «Я всю ночь, – говорит, ждал». Понимаешь, всю ночь ждал, а я не принесла. Я домой от него иду, смотрю, мандарины продают. Представляешь, в марте мандарины. Я в очередь встала, длинная такая очередь, ты таких, поди, и не помнишь. А продавщица кричит: «Не занимать, сказала же, не хватит на всех». Я в слезы. Ромка, говорю, сын в больнице, мандаринку просил. Мне ж немного. Три штуки и надо то. Мужчина какой-то, пять кило брал, взял авоську, да мне шесть штук и отсыпал, – Цыганка подняла в вверх авоську с шестью яркими веселыми фруктами – Я в больницу побежала. Бегу, представляю себе, как он обрадуется. Думаю, сейчас ему самый спелый мандарин дам. Остальные то зеленые еще были, а один яркий, вот как этот...

Старуха достала из авоськи самый крупный и зрелый мандарин с одним свежим зеленым листочком и протянула Тане. Возникла неловкая пауза. Таня не решалась взять, а Цыганка все молчала и протянутая рука зависла в воздухе с зажатым в ней оранжевым шариком.

– Прибежала, стучу в дверь. Улыбаюсь как дура. А и забы-

да, что время посещения прошло. Медсестра в тот вечер дежурила вредная, прям ведьма. И пустить не пустила, и мандаринку не передала... «Утром, говорит, приходи». Я утром и пришла. Да только помер он ночью, мой Ромка. Мандаринки те я ему в гробик положила...

Цыганка заплакала и было видно, что слезы эти стали для нее за долгие годы такими же привычными, как шесть мандаринов в авоське. Она серой тряпицей вынутой из кармана вытерла морщинистое лицо и замолкла.

Таня посмотрела на нее, а потом на Настину могилу.

– А за мной вы зачем ходите?

– Подарок тебе сделать хочу, – каким-то странно ярким голосом ответила Цыганка, – я как Ромку похоронила, жить совсем не могла. Все сюда ходила, каждый божий день. Думала, голодом себя уморить, да на сыночкиной могилке и остаться. Да только на девятый день в обморок упала, даже до кладбища не доехала. Люди скорую вызвали, увезли меня в ту же больницу, где сынок умер. Андрей Палыч, царствие ему небесное, доктор Ромочкин, как стемнело, пришел ко мне. «Ты, говорит, Мария Романовна, не убивай себя, погоди. Я тебе подарок сделаю».

Я тогда сильно перепугалась. Я ведь молодая ой какая красивая была. Волосы черные, косы с руку каждая, глаза синие были. Люди меня цыганкой звали... – она вздохнула, поправила косынку, стыдливо прикрывая бурую седину когда-то красивых волос, – И мужикам я нравилась. Как Серега мой

утоп... – старуха спохватилась и торопливо добавила, – муж у меня был, пошел на рыбалку да и...

Коротким резким взмахом руки она обозначила злосчастную судьбу Сереги.

– Как схоронила его, стали мужчины ко мне свататься. Одни замуж звали, другие с огородом помочь хотели, третьи так в постель звали, без свадьбы да огорода. Один женатый ходил: и жилплощадь обещал, и в Ялту нас с Ромкой свозить. Начальник какой-то был. На машине нас катал, да-а-а... – Цыганка замолчала, видно погруженная в воспоминания о той красивой, преступной, но так и не случившейся с ней жизни, – Потом пропал куда-то. Люди говорили, за взятку его посадили. Так и не слыхала о нем больше. Жалко. Хороший был человек, и Роме нравился...

– Так что вам подарил тот доктор? – спросила Таня. Она понимала, что этот же подарок и она получит сегодня. Ждала его и боялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.